

УДК 81 (575.2) (04)

ПРОБЛЕМА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА

М.И. Лазариди – докт. филол. наук, профессор

Статья посвящена проблеме вербализации концепта.

Ключевые слова: проблема, вербализация, концепт.

Когнитивная наука интерпретирует язык как общий познавательный механизм. Это наука о познании, которая входит в более общие философские дисциплины: гносеологию, логику, онтологию.

Концепт – центральное понятие когнитологии, понятие не только логико-философское, но и лингвистическое. Концепт – целостностная совокупность свойств объекта (в философии и логике). Общая единая теория концепта языковедами не разработана, что не позволяет сделать его операциональной единицей языка в различных проявлениях.

Феномен концепта привлекал внимание ученых серебряного века. С.А. Аскольдов-Алексеев определял концепт как «мгновенное и трудноуловимое мелькание “чего-то” в сознании, это почки сложнейших соцветий мыслительных конкретностей». Концепт как единица языка и мысли обладает функцией замещения различных представлений (предметов) в процессе мышления; определяется как иерархически организованная структура, каждый элемент которой стремится к большему уровню образования [1].

В современной лингвистике становится общепризнанным положение о языке как когнитивном механизме. Ученые исследуют процесс и результат реализации в языке познавательных возможностей человека. Концептуализация мира формируется посредством элементарных универсальных смыслов, в которых через миропонимание гениальной языковой личности отражается духовная культура народа.

Слово, в котором отражается понятие, может быть концептом в том случае, если оно отвечает определенным требованиям. Таковыми критериями, по А. Вежбицкой, могут считаться следующие: 1) быть общеупотребительным; 2) находиться в центре фразеологического се-

мейства; 3) часто использоваться в какой-то семантической сфере; 4) часто встречаться в словосочетаниях и изречениях, в популярных песнях и названиях книг; 5) быть в состоянии выразить в данной культуре что-то существенное и нетривиальное [2].

Проблемы природы концептов связаны с теоретическими исследованиями поэтики слова, его смысло- и стилеобразующих свойств, построенной на этой базе концептуальной картины мира. Концепт, с одной стороны, как сгусток культуры в сознании человека входит в его ментальный мир, с другой – это то, посредством чего человек сам входит в культуру и в некоторых случаях влияет на нее [3].

Имплицитно в концепте может быть заключена система понятий, несущая в себе определенную идею, тенденцию, воззрение, обобщение. Концепты не только мыслятся, они и переживаются. «Художественные концепты, существующие в сознании автора и отражающиеся в тексте, тяготеют к потенциальным образам. Они могут выполнять функцию “заместительства”, в том числе потенциального» [1]; стать результатом “столкновения словарного значения с его личным или народным наполнением” [4].

Ключевые слова поэзии образуют научные оппозиции, за сочетанием которых скрыты особенности философии поэта. Система личностных содержательных концептов формирует индивидуальную картину мира, опирающуюся на традиции формально-грамматического устройства языка, но варьирующуюся на содержательном уровне. Индивидуальное начало, внутреннее “эго” становится своеобразным катализатором, который преобразует всплески личностных ассоциаций в языковые образы мира.

“Чем яснее становится моя мысль, тем ближе она к оформленным продуктам научного

творчества. Более того, достигнуть окончательной ясности моя мысль не сможет, пока я не найду для нее точной словесной формулировки и не приведу ее в связь с теми положениями науки, которые касаются того же предмета, – другими словами, пока я не превращу мою мысль в ответственное научное произведение.

Какое-нибудь чувство не сможет достигнуть окончательной зрелости и определенности, не найдя для себя внешнего выражения, не оплодотворив собой слова, ритма, краски, то есть не отлившись в произведение искусства.

Этот путь, ведущий от содержания индивидуальной психики к содержанию культуры, – долог, труден, но это один путь, и на всем протяжении, на всех своих этапах он определяется одной и той же социально-экономической закономерностью. И на всех этапах этого пути человеческое сознание работает словом, этим самым тонким, но и самым запутанным преломлением социально-экономической закономерности” [5].

Процесс и результат вербализации концептов продемонстрируем на материалах лирических шедевров, обогативших литературу планеты Земля: – Чу... топот звонкий раздается... / Какой же всадник там несется! / На скакуне во весь опор? – Это герой поэмы Дж. Байрона “Гяур” [6], герой нового времени и направления – романтизма. Байрон овладел умами своего времени. Сравнивая двух гениев – Гете и Байрона – Мицкевич замечал: “Как неудачны все сравнения Гете с Байроном!.. Один пишет, чтобы создать творения искусства, другой – излить собственные чувства. Байрон возвысил и облагородил достоинства поэта и человека” [7].

В тексте поэмы можно определить целый синонимический ряд, включающий описание Гяура, мчавшегося на быстром скакуне (всадник, беглец, путник, наездник) и описания – сравнения: Гяур – черная беда, Гяур – самум в степи; Гяур – коршун, который противопоставляется Гяуру – голубю, Гяуру – лебедю: – Я верен был как голубь нежный, / Своей голубке белоснежной.

В контексте поэмы хищный коршун выступает в роли антонима к голубке, лебедю (образ Лейлы, возлюбленной Гяура). Психическое состояние, наиболее характерное для Гяура, – это гнев, тоска, отчаяние. Гяур глубоко страдает из-за несовершенства мира – и своего собственного. Страдающий герой – это не случайность.

Поэзия – наслаждение. Но поэтическое произведение должно перевернуть душу читателя, довести до предела, “прошибить” человека, только тогда наступает катарсис, через трагиче-

ское очищение, через страдание из-за нарушения калокагатии – дисгармонии системы прекрасного и добродетельного.

Гяур испытывает всю гамму чувств, получивших в научной литературе наименование базовых психических состояний [8]: это страх (*застывший в ужасе*), беспокойство (*его душе был чужд покой*), гнев (*иль старый гнев в душе носить*), грусть (*и вдруг с отчаянной тоской потряс он в воздухе рукой*), отсутствие радости (*прочешь нерадостную повесть*).

В “Гяуре” таился “дух мятежный”, это человек необыкновенный. Страстный, сильный. В гневе “в лице он краской разлился” – а это те выразительные движения, которые обычно сопровождают состояние “злость”. “Резцом из мрамора оно, казалось, было создано”. Неадекватная реакция Гяура также свидетельствует о его неродинарности.

Завершается поэма исповедью Гяура, пронзительной искренностью человека, стоявшего у края пропасти, перед близким концом жизни. Здесь нет раскаяния, но есть четкое осознание одиночества: – *О всем ты Расскажи ему, / Что ясно взору твоему: / Об этом теле истощенном, / О сердце, страстью разоренном, / Скажи, что чувств мятежный бег / Обломок выбросил на брег, / Скажи, что я лишь свиток пыльный, / Листок оборванный, бессильный, / Перед покорным ветром бед...*

– *And tell him – / What thou dost behold! The wither d frame, the ruin d mind, / The wrack by passion left behind, / A shrivel d scroll, a scatter d leaf, / Sear d by the Autumn blast of grief!*

Но Гяур – всадник. А что же такое конь, как конь романтического героя? Конь легкий, гордый; наездник и конь составляют одно целое – *стрелой ты мимо пролетишь; и как стрела из лука помчался вновь в ночную тьму; как демон мчался он ночной...* Конь Гяура – быстрый скакун, романтический, сказочный, подстать своему мятежному хозяину.

Поэтические шедевры Бараташвили и Мицкевича складывались в духе своего времени и, конечно, под влиянием восточных поэм Байрона [6–9].

Герои их поэм – одиноки, не поняты, мятежны; их кони – безымянные у Фариса и Мерани – это “alter ego” своих хозяев, необходимая принадлежность романтических поэм.

“Каждый удар сердца ранит и терзает нас, и жизнь стала бы безудержно кровоточащей раной, если бы в мире не было поэзии”. Так говорил известный грузинский поэт и просветитель

Илья Чавчавадзе, когда прах Н. Бараташвили, великого сына Грузии, поэта, написавшего несколько десятков стихотворений, ставших явлением национального масштаба, – перевозили на родину с чужбины – из Гянджи, где он скончался всего 29 лет от роду (прах перевезли в 1893 г., через 47 лет после смерти поэта).

Как тут не вспомнить Дж. Байрона, М. Лермонтова, А. Мицкевича – поэтов, тысячами ассоциаций связанных друг с другом, почивших, как и Н. Бараташвили, на чужбине, вдали от родного дома.

Восхищаясь их поэзией, сочувствуя их судьбе, с особой силой переживаешь пронзительную любовь к поэтам, подаренным нам свыше, не понятым на земле. Но нас незримо влечет к ним красота поэзии, удивительная гармония, неземная прелесть их поэзии.

Шедевр Н. Бараташвили – стихотворение “Мерани” сравнивали с “Фарисом” А. Мицкевича, с отдельными главами “Чайльд Гарольда” и “Гяура” Дж. Байрона, с “Пьяным кораблем” А. Рембо, с “Вороном” Э. По.

В нашем исследовании остановимся на сопоставлении внутреннего состояния героев “Мерани” и “Фариса”, которые, на наш взгляд, очень похожи друг на друга высоким накалом страстей, удивительной аккумуляцией поэтической энергии, где обреченность и отчаяние сливаются с непокорностью, с верой в свою звезду, в возможность преодоления всех преград.

Бараташвили еще в гимназии знал творчество Мицкевича, мятежный дух польского гения сродни свободолюбивому духу великого поэта Грузии – Байрон был их общим кумиром.

Крылатый конь – Мерани – стрелой несется “сквозь вихрь и град, сквозь снег и непогоду”. В этой безумной скачке лирический герой обретает возможность вырваться из оков судьбы: одиночества, непонятости, смятения. Он предчувствует смерть на чужбине, где ворон выроет ему могилу. Но когда-нибудь люди в поисках лучшего пройдут по его следу. Человек – не раб своей судьбы – в этом оптимистическое звучание “Мерани”.

Романтическая поэма А. Мицкевича “Фарис” написана в 1828 г. в Петербурге в честь эмира Тадж-уль-Фехра (В. Жевуского), погибшего в 1831 г. за освобождение Польши. Это гимн герою, “безумцу”, который стремится преодолеть все преграды, преодолеть свою обреченность.

Проследим за тем, как поэты развертывают систему образов: конь, бедуин, смерч, облако, ворон (коршун) – в “Фарисе” А. Мицкевича

(пер. О. Румера); конь, ветер, вихрь, град, снег, герой-безумец – в “Мерани” Н. Бараташвили (пер. Б. Пастернака).

Противопоставление “Фариса” злым силам природы раскрывается при помощи психических состояний, обозначающих жизнь – смерть (ибо именно таков накал чувств и действий): жизнь: *сладостный; восхищенный взор; смерть: чернеют скалы; суровые скалы, смерть пророчат бедуину; смертоносный; солнца стрелы; коршуны; черный венок.*

В поэме Н. Бараташвили “Мерани” смерть также мчится за героем: *вдогонку ворон каркает угрюмо.* Но нет здесь страха, покорности судьбе, ропота слабого духом из-за превратностей судьбы. Лирический герой может погибнуть в борьбе со смертью, но он не запятнает чести: *смерть: Ворон каркает угрюмо/ Печаль и думу./ Вихрь, град, снег, непогода/ Ночная даль моим ночлегом станет/ Я к звездам в небо в подданство впишусь/ Пусть я не буду дома погребен/ Рыдать, завывать, оплакать/ Могилу ворон выроет, / Крик беркутов заменит певчих хор / Я слаб; пусть я умру.*

Стихотворение (поэма) Н. Бараташвили построено иначе: тема смерти развивается последовательно, с начала до конца произведения (I и IX – строфы повторяются). Смерть неотвратима, но человек не раб судьбы: *Вперед, вперед, не ведая преград!*

Средства обозначения состояний укладываются в форму номинативно-функционального поля (НФП) не только в русском (ср. поле *радость, страх, беспокойство, злость, стыд, горе* и др.), но и в польском (*radosc, starch, niepokoj, zlosc, wstyd, nieszczescie*), и грузинском (*сухарули, шииши, мухареба, боротоба, сирцхвили, чирри*) языках. Систематизация средств обозначения состояний и их сравнительная характеристика будут способствовать лучшему пониманию гениальных творений польского и грузинского поэтов (на языке оригинала и их переводов).

Говоря о вербализации концепта *конь* в романтических поэмах, следует отметить, что здесь больше общего, чем индивидуального, этнокультурного. Думается, что созданию образа коня-птицы способствовали народные мифы, сказания, легенды: это Тулпар в восточных сказках, образ арабского скакуна – мечты, крылатый конь – Пегас. В греческой мифологии Пегас, как плод связи медузы Горгоны с Посейдоном, появился из капель крови Медузы, когда ее убил Персей. Имя Пегас он получил оттого, что родился у истоков океана (греч. “источник”). Затем

он возносится на Олимп и оставляет там громы и молнии Зевсу.

По другому мифу, боги подарили Пегаса Беллерофонту, и тот, взлетев на нем, убил крылатое чудовище – химеру – опустошавшее страну.

Ударом копыта Пегас выбил на Геликоне источник Гиппокрену (лошадиный источник), вода которого дарует вдохновение поэтам [11].

Конь – атрибут ряда божеств. На коне передвигаются (по небу из одной стихии в другую) боги и герои.

Поэт преобразует божественное в человеческое и возводит человеческое на уровень божественного. В акте поэтического творчества средоточием, соединяющим эти сферы, является язык, речь, слово Поэта (ср. мифологическую формулу: мысль принадлежащая миру богов) – слово – (дело) [12].

Каждый язык по-своему членит мир, то есть имеет свой способ концептуализации; каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

В славянской традиции тоже могут существовать кони-птицы, летящие по небу вместе с всадником, но акцент переносится со сверхъестественных способностей скакунов на другие качества и достоинства. В сказке П.Ершова “Конек-горбунок” златогривая кобылица говорит главному герою: *Отпусти меня скорей, / Двух рожу тебе коней, / Да таких, каких поныне / Не бывало и в помине, / Да рожу еще конька, / Ростом только в два вершка... / На земле и под землей, / Он товарищ будет твой.*

В “Песни о вещем Олеге” князь спрашивает слуг: *А где мой товарищ? – промолвил Олег, скажи, где конь мой ретивый?* Лучшие слова припасены для коня: *верный друг, мой товарищ, благородные кости* (коня). Хозяин не хочет расставаться с конем и в потустороннем мире, сожалеет о разлуке с другом: *Сти, друг одинокий! / Твой старый хозяин тебя пережил. / На тризне уже недалеко / Не ты под секирой ковыль обагришь / И жаркою кровью мой прах напоишь* [14].

Герои народных песен, поэтических произведений, сказок, легенд, сказаний в первую очередь воспринимают коня как существо близкое, родное, как друга и соратника, который выручит, поймет, поможет в трудную минуту; с конем делятся всеми душевными переживаниями: *Что ты ржешь, мой конь ретивый, / Что ты шею*

опустил, / Не потряхиваешь гривой, / Не грызешь своих удил? (Пушкин, Конь).

В народной песне герой прощается с жизнью, а коня просит передать родным, что он жив, чтобы не печалить близких: *Не кажи, коню, що я втопився, / А кажи, коню, що я женився, / Крути береги – бояре мои, / Холодна вода – да то молода...*

Коня снисходительно могут назвать “конягой” (Салтыков-Щедрин), поэтично “птицатройка” (Гоголь), посвятить ему душераздирающий рассказ (“Холстомер” Л. Толстой), пожалеть от всего сердца (заодно и хозяев). Ср.: *Ой, мороз, мороз, не морозь меня, моего коня белогривого, “Пара гнедых” А. Апухтина, “Еще тройка” П. Вяземского.*

Это отношение выразилось и в пословицах: “Конь о четырех ногах, да спотыкается”.

Концепт “конь” характерен для хозяйственной жизни людей с первобытных времен, поэтому он становится мерилем человеческих свойств, поведения человека, народной этики: “Дареному коню в зубы не смотрят”, “С чужого коня с грязи долой”, “Старый конь борозды не испортит”, “Конь еще не валялся”, “Не в коня корь”, “Оседлать любимого конька” и др. [15]

Пословицы и поговорки, изречения народов, которые вели кочевой образ жизни и в связи с этим были еще более тесно связаны с животными, с природой, с землей, отражая общие этические нормы, дают и конкретные, жизненно необходимые советы, тонко подмечая те или иные свойства коней, основываясь на которых следует делать выбор, строить отношения в обществе. Приведем в качестве примера кыргызские пословицы с концептом “конь”: *“Азоого тушоо” (Заносчивого коня построже взнуздывают.) / “Айгыр болор кулундун жаак эти чон, болот” (У жеребенка, который будет племенным, мышцы на скулах большие.) / “Кулукко кун салгына, байталга бак берсин” (Чем о скакуне мечтать, лучше кобыле счастья пожелай.) / “Арык атка камчы уйур, жыртып уйго тамчы уйур” (Тощую лошадь плетью подгоняют, рваную юрту дождь одолевает.) / “Арык аткатуз бербе, акылсызга кыз бербе” (Худому коню соли не давай, за безумного дочь не выдавай.) / “Ат сураган кордук эмес, ээр – токум сураган” (Коня просить не позор, просить седло – позор.) / “Ат эрдин канаты” (Конь – крылья молодца.) [16].*

Таким образом, для существования понятия “концепт” необходимо ассоциативное пространство, которое выступает в виде этнокультурного фона, ибо концепт – это “пучок” представлений,

понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово (Степанов, 1997).

Выявление концепта, анализ пути его вербализации, то есть способа приобретения мыслью словесного выражения, показа, как мысль обретает плоть, определение культурной ценности системы концептов того или иного этноса способствует познанию алгоритма формирования концептуальной картины мира данного народа.

Аксиоматично утверждение о существовании концептов-универсалий, своего рода архетипических концептов (наряду с индивидуальными концептами), присущих различным народам мира; этнокультурный фон составляет ассоциации, содержащие этническую специфику данного концепта.

Литература

1. *Аскольдов-Алексеев С.А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия / Под ред. Л.В. Щербы. – Л., 1928.
2. *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. – М., 1997; Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
3. *Степанов Ю.С.* Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 40.
4. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. – М., 1997.
5. *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. – СПб.: Аста-Пресс LTD, 1995. – С. 165–166.
6. *Байрон Дж. Г.* Гяур. Фрагменты турецкой повести / Пер. С. Ильина. – М., 1987. – С. 149–306.
7. *Мицкевич А.* Сонеты. Литературные памятники. – Л.: Наука, 1976. – С. 294.
8. *Лазариди М.И.* Номинативно-функциональное поле психических состояний в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2001. – С. 15.
9. *Бараташвили Н.* Мерани // Стихотворения, поэмы, письма. – Тбилиси, 1968. – С. 15.
10. *Мицкевич А.* Фарис // Стихотворения. Поэмы. – М., 1968. – С. 85.
11. Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М., 1991. – С. 432–433.
12. Мифы народов мира. Т. II. – М., 1997. – С. 327–328.
13. *Ершов П.* Сказка о коньке-горбунке. – М., 1986.
14. *Пушкин А.С.* Песнь о вещем Олеге. – М., 1985.
15. *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. – М., 1978.
16. Киргизские пословицы, поговорки, изречения / Сост. С. Шамбаев. – Фрунзе, 1979.